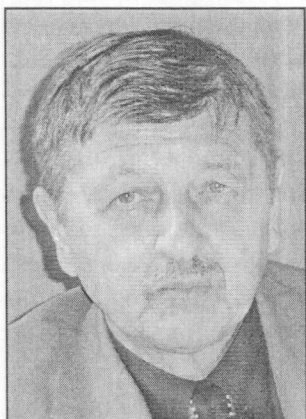

СОЗНАНИЕ КАК КОГНИТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ¹

И. П. МЕРКУЛОВ

Сознание является высшей когнитивной способностью, оно играет огромную роль в управлении многими когнитивными функциями – распознаванием образов, невербальных символов и звуковых паттернов, слов, знаково-символическим (логико-вербальным) мышлением, вниманием, работой кратковременной и долговременной памяти, а также поведением людей. Поэтому анализ сознания имеет первостепенное значение для эпистемологии². Мы будем исходить из предпосылки, что человеческое сознание имеет информационную природу, что оно представляет собой своего рода естественное логическое устройство (комплекс когнитивных программ и метапрограмм), управляющее

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-03-00311а.

² О проблеме сознания см., например: Бескова И.А. Эволюция и сознание: новый взгляд. М., 2002; Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002; Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003; Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания. М., 2004; Эволюция. Мышление. Сознание. М., 2004; Velmans M. How could conscious experiences affect brains? // Journal of Consciousness Studies. 2002. V. 9 (11); Morin A. Right hemispheric self-awareness: A critical assessment // Consciousness and Cognition. 2002. V. 11 (3); Carruthers P. Consciousness: explaining the phenomena // Walsh D. (Ed.). Naturalism, Evolution and Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Harnad S. Can a machine be conscious? How? // Journal of Consciousness Studies. 2003. V. 10 (4–5).

только информационными процессами нашей когнитивной системы. Сознание не может быть редуцировано к протекающим в нейронных сетях мозга материальным процессам более низкого уровня – физико-химическим, нейробиологическим, нейрофизиологическим и т.д., хотя и базируется на них. Это означает, что мы с нашей когнитивной системой и нашими высшими когнитивными способностями принадлежим к природному миру, что мы включены в его структуры, и что для рассмотрения процесса познания мы должны аналитически жестко разграничить внешний мир и наше сознательное «Я»³.

Сознание – это высшая когнитивная способность живых существ, проявляющаяся прежде всего в самосознании (т.е. в осознании собственного «Я» и своего отличия от других представителей вида, в «узнавании» себя, распознавании образа «Я», в наличии «Я-образов» и т.д.), которая вместе с тем выступает и как сопряженная с самосознанием когнитивная структура более высокого уровня, ответственная за центральное управление человеческим знаково-символическим (логико-вербальным) мышлением от лица «Я-образов» и «Я-понятий» и интегрированными с этим мышлением когнитивными функциями (памятью, вниманием, распознаванием образов и т.д.). Сознание также управляет и действиями людей главным образом на уровне их планов, целей и намерений.

1. ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ

На протяжении 500 млн. лет биологическая эволюция организмов, обладающих нервными клетками, сопровождалась усложнением их когнитивной системы. Она привела к формированию у них восприятия и самовосприятия (предполагающего фиксацию своего существования в окружающей среде), а затем и высших когнитивных функций (мышления, долговременной памяти и т.д.). Появление рудиментов сознания, скорее всего, явилось результатом дальнейшей эволюции самовосприятия, результатом усложнения ответственных за его работу когнитивных структур. На определенном этапе когнитивной эволюции эти структуры, видимо, стали сталкиваться с проблемами, обусловленными значительным увеличением массива когнитивной информации (внутренней, поступающей из организма животных, и внешней, создаваемой на основе сигналов из окружающей среды), требующей принятия решений. Эти «вычислительные» проблемы могли быть решены путем буферизации избыточной для самовосприятия когнитивной информации и порождения более высокоуровневых преадаптивных когнитивных структур, генерирующих рудименты *перцептивного самосознания (сознания)*. Первоначально эта новая (преадаптивная) когнитивная способность, вероятно всего,

³ Более подробно об информационной природе сознания см.: Меркулов И.П. Эпистемология. Т. 1. Ч. 1. Гл. IV. СПб., 2003.

оставалась у высших приматов функционально избыточной и в отличие от их относительно низкоуровневого самовосприятия не была сопряжена с единым центром управления когнитивными и физиологическими функциями животных и их поведением.

У ныне живущих шимпанзе, генетически наиболее близких гоминидам, рудименты перцептивного самосознания были обнаружены экспериментально. Нейрофизиологические исследования показали, что они обладают ограниченной когнитивной способностью отличать Я от не-Я⁴. Как оказалось, шимпанзе испытывает огромное удовольствие, рассматривая себя в зеркале. Положительный тон эмоциональной реакции животного был объективно зафиксирован с помощью экспериментального устройства, позволяющего снимать сигналы с электродов, вживленных в соответствующие зоны головного мозга. Позднее положительные результаты этого теста получили дополнительное экспериментальное подтверждение с помощью новых технических устройств – электронных томографов и сканеров магнитного резонанса, которые позволили зафиксировать всплеск информационной активности мозга подопытного животного. До этих экспериментов нейрофизиологи полагали, что только человек способен узнавать себя в зеркале, причем это зачаточное проявление самосознания развивается у детей довольно поздно, лишь к 18 месяцам жизни (за исключением детей, когнитивно отсталых или больных аутизмом). И это неудивительно, так как распознавание перцептивного образа человеческого лица требует одновременной переработки сотен параметров, которая «по плечу» только мощной когнитивной системе, имеющей параллельную архитектуру.

Обнаруженные у шимпанзе зачатки самосознания позволяют этим антропоидам легко «узнавать себя», т.е. визуально самораспознавать множество параметров, характеризующих их индивидуальные внешние признаки, и создавать внутреннюю перцептивную репрезентацию себя – «Я-образ». Эта преадаптивная способность к перцептивному сознанию, видимо, получила развитие у филогенетических родственников этих антропоидов – древнейших гоминид, которые жили небольшими охотничьими коллективами (не более 50–150 особей) и, скорее всего, еще не обладали даром полноценной членораздельной речи. Поэтому в когнитивные предпосылки формирования перцептивного сознания не могут быть вписаны ни речь, ни труд, ни общество в современном его понимании.

Перцептивное сознание древних гоминид, по-видимому, не принимало какого-либо заметного участия в управлении когнитивными функциями. Оно в основном «информировало» людей об их собственном существовании и внутренних состояниях, выступая тем самым как *дополнительное средство информационного контроля «внут-*

⁴ Впервые эта способность была выявлена американским нейрофизиологом Р. Сперри с помощью теста с зеркалом. См., например: Cohen A.P. Self-Consciousness. L., 1994.

ренной» среды. Поскольку прав полушарное пространственно-образное мышление подчиняется своим собственным, генетически направляемым стратегиям, перцептивное сознание в принципе не могло влиять на эти стратегии, выбирать из них наиболее оптимальные и т.д. Мыслительные акты, скорее всего, запускались центром, сопряженным с самовосприятием. Полезной аналогией (или, лучше, метафорой), позволяющей нам как-то представить себе работу древнейшего перцептивного сознания, может служить функционирование сознания современных людей в состоянии сна. Во сне высшие управляющие уровни символьного (вербального) сознания отключаются, и его функции оказываются редуцированными к наблюдению, «подглядыванию» за сценариями сновидений. Каким-то образом повлиять на эти сценарии и на общий ход сновидений редуцированное символическое сознание не может в силу автоматизма правополушарных мыслительных процессов. Оно лишь в состоянии создать «отчет» о своей работе «наблюдателя» в нашей долговременной эпизодической памяти.

Способность управлять мыслительными процессами сознание обрело в ходе дальнейшей биологической (когнитивной) эволюции гоминид благодаря появлению и развитию у них речевой коммуникации и «вторичного» вербального и невербально-символьного кодирования мысли. Разумеется, это потребовало формирования новых более высокоуровневых когнитивных структур, ответственных за центральное управление речью и знаково-символическим (логико-вербальным) мышлением. Возникшее *символьное (вербальное) сознание*, в отличие от более низкоуровневого перцептивного сознания, оказалось в состоянии взять на себя целенаправленное управление ходом мыслительных преобразований, выбор и оптимизацию левополушарных мыслительных стратегий. Поскольку символические коды – это коды «вторичные», репрезентирующие идеальные концептуальные структуры и системы, то мысленная манипуляция символами и словами не блокируется относительно низкоуровневыми генетически управляемыми программами, адаптированными к оперированию исключительно перцептивными, «первичными» репрезентациями. Когнитивные структуры символического (вербального) сознания, конечно же, не могли не получить генетического закрепления в геноме отдельных человеческих популяций в результате действия механизмов естественного отбора, поскольку они оказались адаптивно ценным эволюционным приобретением, способствующим развитию социальной коммуникации, знаково-символического (логико-вербального) мышления, а также общего, «совместного знания» («социального сознания»), духовной и материальной культуры, имевших приоритетное значение для выживания *Homo sapiens*.

2. ПЕРЦЕПТИВНОЕ И СИМВОЛЬНОЕ (ВЕРБАЛЬНОЕ) СОЗНАНИЕ

В когнитивной науке, психологии, психофизиологии и философской литературе исследователи прибегают к услугам весьма много-

численных классификаций сознания. Весьма полезным для некоторых исследовательских задач является довольно распространенное (главным образом в описательной психологии и некоторых философских направлениях) выделение уровней сознания – предсознательного (подсознательного) и бессознательного. Более строгой и более точной дифференциацией, на наш взгляд, было бы отнесение этих уровней к функционированию структур когнитивной системы человека, к протекающим в ней процессам переработки когнитивной информации, поскольку «бессознательное» в самом общем смысле означает лишь, что есть уровни когнитивной активности (или психики), не подлежащие сознательному контролю, а следовательно, и не относящиеся к сфере сознательного. По-видимому, уровень «бессознательного», если не ограничиваться его специфическими определениями, выдвинутыми в работах З. Фрейда, К. Юнга и других психоаналитиков, также может быть аналитически дифференцирован на несколько уровней. Кроме того, необходимо учитывать, что в нашем организме протекает огромное количество биологических процессов, которые, скорее всего, вообще автономны не только от сознания, но и от работы нашей когнитивной системы. Непосредственно генетически, например, управляется рост волосяного покрова и ногтей, который продолжается даже некоторое время после смерти людей. Хотя такого рода процессы не контролируются нашим сознанием, и в этом смысле они действительно «бессознательны», их конечно же нельзя относить к неосознаваемым уровням переработки информации нашей когнитивной системой. Классификации «сознательное – бессознательное» могут подлежать, с нашей точки зрения, только процессы переработки когнитивной информации.

С другой стороны, люди, не имеющие специальной подготовки, обычно не в состоянии сознательно управлять ритмом сердечных сокращений, уровнем своего кровяного давления, температурой тела и многими другими протекающими в человеческом организме физиологическими процессами, хотя они и контролируются нашей нервной системой. Означает ли это, что процессы переработки когнитивной информации, управляющие нашими физиологическими состояниями, вообще не осознаваемы (т.е. относятся к уровням бессознательного)? С помощью соответствующих аутогенных тренировок и самовнушения многие из нас, однако, могут научиться воспринимать и осознавать когнитивную информацию о работе своего сердца, они даже могут в определенных границах управлять ритмом сердечной мышцы. После обучения тренированные люди также обретают способности существенно понижать свое кровяное давление или увеличивать температуру локализованного участка своего тела на несколько градусов. (Гораздо большими возможностями управления своими физиологическими состояниями обладают многие виды животных с достаточно развитым самовосприятием.) Но тогда оказывается, что наше сознательное «Я» все же имеет доступ к структурам нервной системы, осу-

шествующим управление некоторыми физиологическими процессами, и может влиять на их работу. Поскольку перенесение когнитивной информации о некоторых своих физиологических состояниях в поле сознания для тренированного человека не представляет особых трудностей, то не является ли это свидетельством, что эта информация всё-таки локализована на предсознательном уровне?

Определенные трудности также возникают с особого рода когнитивной информацией, которую многие люди способны создавать на основе сигналов, получаемых на субсенсорном уровне. Они чутко реагируют на изменения атмосферного давления, электромагнитных и геомагнитных полей и т.д., влияющих на их организм, его внутренние состояния, которые оказываются в поле самовосприятия. Способность воспринимать сигналы на субсенсорном уровне, видимо, была унаследована гоминидами от своих дальних негоминидных предков. При определенных условиях информация, создаваемая на основе сигналов, извлекаемых на субсенсорном уровне, попадает в поле сознания, может частично осознаваться. Однако каковы пути трансляции такого рода когнитивной информации, как и каким образом она создается, где в нашем мозге локализованы центры ее переработки и т.д. – все это до сих пор остается неясным.

И, наконец, возникает вопрос, к какому уровню следует относить вполне осознаваемые процессы переработки когнитивной информации, которые в то же время остаются вне сферы сознательного управления? Характерным примером здесь могут служить мыслительные процессы, протекающие в период трансформированного состояния сознания – сна. Скорее всего, абсолютно неподконтрольные нашему сознанию сценарии сновидений являются результатом развивающегося в этом состоянии сенсорного дефицита. Это подтверждается экспериментами по сенсорной депривации, когда у испытуемых, находящихся длительное время в изолированной комнате, отмечалось появление в бодрствующем состоянии зрительных галлюцинаций. Хотя во время сна происходит ослабление общей и локальной активности мозга, наша когнитивная система, видимо, все же стремится «компенсировать» сенсорный дефицит, запуская сознательно неконтролируемые мыслительные процессы. Наше редуцированное, перцептивное сознание способно лишь пассивно «созерцать» эту мыслительную активность. Характерно, однако, что информация о симптомах многих навигационных патологических изменений человеческого организма иногда получает символическую репрезентацию в сознательно неконтролируемых сюжетах сновидений.

В когнитивной психологии, где познавательные процессы рассматриваются с точки зрения моделей переработки информации, довольно широкое признание получила (предложенная в своё время Э. Тульвингом) дифференциация сознания на три типа – аноэтичное, ноэтичное и аутоноэтичное, которые связаны с использованием трех

видов памяти: процедурной, семантической и эпизодической⁵. Аноэтическое (или «незнающее») сознание ограничено во времени конкретной текущей ситуацией. Оно позволяет человеку лишь фиксировать перцептивно воспринимаемую информацию и реагировать своим поведением на изменения окружающей среды. Для такого сознания достаточно когнитивных ресурсов процедурной памяти, которая сохраняет знания, относящиеся к навыкам и умениям. Ноэтическое (или «знающее») сознание дает возможность осознавать события, объекты и взаимосвязи между ними, даже если они и не находятся в поле восприятия или существуют только как идеальные концептуальные структуры. Этот тип сознания в чем-то аналогичен символьному (вербальному) сознанию и предполагает использование ресурсов семантической памяти. И, наконец, наиболее сложный тип сознания – это аутоноэтическое (или «знающее о себе») сознание. Оно позволяет воспроизвести лично пережитые события, факты личной жизни и т.д. Это сознание связано с работой эпизодической памяти, так как она способна сохранить информацию о событиях жизни отдельного человека.

Эта классификация типов сознания, опирающаяся на выделенные в когнитивной психологии виды памяти, только на первый взгляд может показаться довольно формальной. Она заслуживает самого пристального внимания, поскольку специфическую работу сознания как способности управлять другими более низшими когнитивными способностями (например, знаково-символическим (логико-вербальным) мышлением) психологам и нейропсихологам пока что не удается исследовать экспериментально, в отдельности от работы этих управляемых сознанием способностей. Наше (символьное) сознание всегда интенционально (разумеется, если оно работает), но непосредственно оно направлено не на внешний мир и даже не на определенный предмет или объект (в том числе и идеальный), как полагали, например, Ф. Brentano, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр и др., а на *управление более низшими когнитивными процессами* – распознаванием образов, вниманием, памятью, знаково-символическим мышлением и т.д. Интенциональны восприятие, внимание и мышление животных, не обладающих ни перцептивным, ни символическим сознанием. Работа их когнитивных способностей в известных границах управляется центрами, сопряженными с самовосприятием.

Таким образом, напрашивается вывод, что интенциональность нашего (символьного) сознания – это интенциональность «второго порядка». Когда мы заметили и начали внимательно рассматривать какую-то вещь, то она действительно становится «объектом нашего сознания», но лишь метафорически, опосредованно, в силу способности нашего сознания управлять вниманием, распознаванием образов и направленностью зрительного восприятия и т.д. Само по себе *наше сознание не воспринимает, не мыслит и не запоминает*, его также

⁵ См., например: Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1995. С. 111–112.

нельзя отождествлять с вниманием. Для человеческого символического (вербального) сознания некоторые более низшие когнитивные способности (но далеко не все) оказываются своего рода инструментами, которыми оно только в некоторых границах в состоянии манипулировать. С учетом вышеизложенного мы должны отдавать себе отчет в тех огромных трудностях, с которыми сталкиваются косвенные подходы к изучению сознания через подчиненные ему более низкоуровневые когнитивные способности (например, память или внимание), хотя последние и поддаются непосредственному экспериментальному исследованию. Но это, естественно, не умаляет ценности этих подходов.

Поскольку сознание и другие высшие когнитивные функции претерпевали коэволюционные изменения в ходе биологической (когнитивной) эволюции человеческих популяций, то какие-то этапы эволюции сознания могут действительно совпадать с соответствующими этапами эволюции систем памяти. Однако, если каждому виду памяти ставить в соответствие определенный вид сознания, то неизбежно возникает ряд проблем, связанных, в частности, с тем обстоятельством, что некоторые виды памяти когнитивная система гоминид унаследовала от негоминидных предков человека. Так, например, «незнающее» сознание – это, по-видимому, филогенетически «первичная», эволюционно самая ранняя разновидность довербального сознания гоминид. Однако едва ли можно с уверенностью утверждать, что в поле этого типа сознания никакие знания вообще не попадали. Речь, конечно, не идет о вербализованных знаниях (и иной вербализованной культурной информации) или вербальной репрезентации мысли. Но это сознание по меньшей мере должно было обладать перцептивными знаниями (когнитивной информацией) о том, что ее носитель есть живое существо, обособленное от внешнего мира, есть автономная, обособленная от окружающей среды «самость». Без относительно высокоуровневого *перцептивного самораспознавания себя* нет и не может быть никакого сознания. В то же время следует учитывать, что когнитивные структуры, обеспечивающие работу процедурной памяти, возникли у организмов в ходе биологической эволюции задолго до появления высших антропоидов, обладавших рудиментами сознания и самосознания. Процедурные знания приобретают и запоминают многие виды животных. Высшие антропоиды, шимпанзе, целенаправленно обучают своих детенышей простейшим коллективным процедурным знаниям, своего рода know how – как, например, изготовить орудие для охоты на муравьев или расколоть орех камнем. Овладение древнейшими гоминидами элементарными навыками и иными процедурными знаниями, а также их запоминание, скорее всего, не требовали управляющего участия довербального, перцептивного сознания. Ясно также, что процедурная память современного человека несопоставимо более развита и функционирует в тесной кооперации с семантической памятью. Она управляется нашим

символьным (вербальным) сознанием и в силу этого включает символизацию больших последовательностей операций, сценариев и схем действий людей. Она также сохраняет информацию о правилах манипуляции символами и построения символьных выражений.

До появления у гоминид относительно развитой речи, знаково-символического (логико-вербального) мышления и символьного (вербального) сознания их когнитивная система, видимо, не нуждалась в структурах, ответственных за семантическую память. С этой точки зрения «знающее» сознание – это синоним символьного (вербального) сознания, которое способно не только в известных пределах управлять другими когнитивными функциями, но и обладает вербальными, в том числе и рефлексивными, знаниями о самом себе. Сложнее дело обстоит с автоноэтическим, «знающим о себе», сознанием, поскольку эпизодическая память – также весьма древнее эволюционное приобретение. Животные, обладающие достаточно развитым самовосприятием и перцептивным мышлением, легко запоминают и хранят в долговременной памяти перцептивные образы и представления о воспринимавшихся в прошлом событиях и связях между ними. Без обращения к ресурсам своей эпизодической памяти, без соотнесения ее перцептивного информационного содержания с информацией о себе они оказались бы не в состоянии мыслить и самообучаться. Поэтому «знающее о себе» человеческое сознание предполагает по меньшей мере тесную кооперацию эпизодической и семантической памяти, которая, кроме всего прочего, обусловлена характерным для нашей когнитивной системы двойным (перцептивным и символьно-вербальным) кодированием когнитивной информации. Человеческое символьное (вербальное) сознание позволяет мысленно реконструировать хранящуюся в нашей эпизодической памяти перцептивную, образную информацию о прошлых событиях как обозначаемую символами временную последовательность фактов нашей личной биографии. «Знающее о себе» сознание, таким образом, должно быть обязательно «знающим».

Отождествление знания и сознания имеет давнюю эпистемологическую традицию. Это отождествление вытекает из этимологии самого термина «сознание», который происходит от латинских слов *sum* и *scire*, означающих в переводе на русский язык «общее, совместное знание». Конечно, общим достоянием человеческих популяций являются не только знания, но и любая культурная информация (в том числе верования, мифы, мифологизированная идеология и т.д.). В силу огромных трудностей, связанных с экспериментальными исследованиями самого феномена сознания как такового и с изоляцией от работы «подчиненных» ему высших когнитивных способностей (И. Кант, например, полагал, что мы *в принципе* не можем иметь знания о работе нашего сознания), отождествление сознания и знания оставалось до недавнего времени весьма распространенным представлением также и в когнитивной науке: сознание есть прежде всего «знание о событиях или стимулах окружающей среды, а также знание о когни-

тивных явлениях, таких как память, мышление и телесные ощущения»⁶. Ясно, однако, что наши сознательно фиксируемые знания – это лишь весьма поверхностный, эмпирически доступный нашему не вооруженному экспериментом самонаблюдению и самоанализу аспект работы сознания. Наше сознание «знает» только в силу того, что оно управляет высшими когнитивными способностями. Оно использует результаты их «работы» для того, чтобы внести в нее какие-то коррективы, и даже «заставляет» наше мышление генерировать идеальные приемы, правила и стратегии. Сознание устанавливает цель и намечает схему действий, оно выбирает, какая система действий будет доминировать, как и с помощью каких средств следует действовать для достижения цели.

С точки зрения эволюционно-информационной эпистемологии весьма полезным и продуктивным инструментом анализа феномена сознания может служить разграничение двух типов и одновременно двух когнитивных уровней сознательной активности – *перцептивного сознания и сознания символического (вербального)*⁷. Это разграничение хорошо согласуется с широко известными экспериментальными данными, свидетельствующими о наличии у людей двух тесно взаимосвязанных между собой систем переработки когнитивной информации, локализованных в правом и левом полушариях, а также с многочисленными данными соответствующих клинических наблюдений⁸. Кроме того, оно позволяет аналитически выделить важнейшие этапы эволюции человеческого сознания и функциональные различия между его относительно более низким и более высоким когнитивными уровнями.

Перцептивное сознание – это наше относительно низкоуровневое сознание, базирующееся на совместной работе когнитивных структур правого полушария. Оно проявляется прежде всего в перцептивном самосознании, в осознании своего невербализованного «Я», в «узнавании» себя и распознавании своего информационного отличия от окружающей среды и других людей. Оно включает осознаваемое самоощущение и восприятие (пусть даже и весьма смутное) себя как комплекса информационных сигналов, поступающих от проприоцептивных внутренних реакций своего организма и протекающих в нем когнитивных процессов, а также осознаваемые эмоциональные реакции на себя, на свои самоощущения. Наше перцептивное сознание – это и осознаваемое самоощущение единства нашего физического и

⁶ Там же. С. 111.

⁷ Довольно близкой к моему подходу, допускающему существование двух уровней и видов сознания, является концепция иерархии сознания, выдвинутая известным российским психотерапевтом В.Л. Райковым. См.: Райков В.Л. Сознание. М., 2000.

⁸ См., например: Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М., 1983; Kolb B., Whishaw I.Q. Fundamentals of human neuropsychology. San Francisco, 1990.

когнитивного существования и нашего обособленного, автономного бытия, нашей уникальности, нашей «самости» и себя как активного живого существа, которое остается идентичным самому себе во времени. Наконец, это и осознание нашего глубинного самоощущения, что, несмотря на единство нашего телесного и когнитивного существования, работа нашей когнитивной системы как бы раздваивается в двух направлениях – она видит, слышит, осязает, понимает, мыслит, переживает и т.д., но эту свою работу ведет от самораспознающего себя «лица», которое видит, осязает, слышит, мыслит, переживает и т.д. Мы самовоспринимаем себя, свою «самость» как внутреннюю, перцептивно-мысленную репрезентацию когнитивной информации о себе, своих собственных знаний о себе и своих состояниях.

Наше перцептивное сознание не участвует в управлении высшими когнитивными способностями, но оно позволяет нам перцептивно «знать», что мы существуем, и постоянно «информирует» нас об этом. Таким образом перцептивное сознание выступает в качестве инструмента информационного контроля внутренних состояний человека. Эта функция вытекает из филогенетических корней перцептивного самосознания, которое, вероятнее всего, возникло в результате буферизации «избыточной» для самовосприятия когнитивной информации. В силу этого *перцептивное сознание в когнитивном, информационном отношении тесно интегрировано с нашим бессознательным самовосприятием*, в том числе, видимо, и с его субсенсорным уровнем. Это глубинное, филогенетически более древнее бессознательное самовосприятие, по-видимому, и оказывается для нас тем значимым для нашего перцептивного сознания когнитивным уровнем, который психологи и философы традиционно рассматривают как «бессознательное». Наше перцептивное сознание фундаментально в том смысле, что только при его наличии, при наличии перцептивного самосознания возможно формирование и функционирование более высокоуровневого символьного (вербального) сознания. Именно перцептивное сознание первоначально формируется в ходе когнитивного развития ребенка, оно присутствует (хотя и в редуцированных формах) даже у крайне слабоумных людей, не способных от рождения к вербализации мысли, или у больных, полностью утративших свои речевые и мыслительные способности, а также свое управляющее символьное (вербальное) сознание в результате травм и болезней.

Выдающийся русский психиатр В.М. Бехтерев, специально изучавший динамику деградации сознания у психически больных, с удивительной наблюдательностью зафиксировал минимально возможную функцию нашего относительно низкоуровневого, филогенетически «первичного» перцептивного самосознания: «...первоначально утрачивается способность самопознания, затем растрачиваются те ряды представлений, совокупность которых служит характеристикой нравственной личности данного лица: с течением же времени у такого рода больных утрачивается уже и сознание времени, а затем и сознание места, тогда как самосознание и сознание о «Я» как субъекте остаются

ся большей частью не нарушенными даже при значительной степени слабоумия... В некоторых случаях крайнего упадка умственных способностей утрачиваются и эти элементарные и в то же время более стойкие формы сознания, причем от всего умственного богатства человеку остается лишь одно неясное чувство собственного существования»⁹. Перцептивное сознание первым приходит к нам, позволяя осознать наше собственное бытие в этом мире, и последним покидает нас. Об этом свидетельствуют также данные «околосмертного опыта» некоторых пациентов, оказавшихся в течение нескольких минут в состоянии клинической смерти.

Способность управлять мыслительными процессами и другими высшими когнитивными функциями человеческое сознание обрело в ходе биологической (когнитивной) эволюции благодаря развитию речевой коммуникации, естественных языков и «вторичного» вербального и символического невербального кодирования мысли. Появлению этих новых когнитивных способностей сопутствовала генерация в левом полушарии мозга высокоуровневых управляющих когнитивных структур, сопряженных с центрами самосознания. В силу «вторичности» вербальных кодов сознательное манипулирование символами не могло быть заблокировано относительно низкоуровневыми генетически управляемыми стратегиями правополушарного пространственно-образного мышления. Поэтому в ходе эволюции наше символическое сознание стало постепенно обретать все большую свободу выбора в управлении процессами оптимизации и конструктивизации идеальных концептуальных систем левополушарного знаково-символического мышления. Оно не только оказалось в состоянии ставить знаково-символическому мышлению какие-то «внешние» задачи и управлять общим ходом мысленных преобразований, но и ставить задачи «внутренние», связанные с использованием тех или иных мыслительных стратегий, приемов и методов, т.е. задачи оптимизации и конструктивизации используемых этим мышлением аналитических стратегий. Успешное решение этих задач открыло человечеству мир идеальных правил мысленного оперирования символами и концептуальными системами, позволило разработать приемы и методы научного познания. Символическое сознание, конечно, не в состоянии «отменить» или изменить наше воображаемое когнитивное пространство. Но в силу присущего нашей когнитивной системе двойного кодирования мысленной информации оно может инициировать наше воображение генерировать идеальное математическое пространство.

Разумеется, наше символическое сознание работает в тесной кооперации с перцептивным сознанием, с нашим относительно низкоуровневым невербальным «Я», которое обеспечивает самовосприятие и самоощущения нашего существования как обособленного, автономного и уникального живого существа, полагающего себя отличным от

⁹ Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности: В 2 т. Т. 1. Психика и жизнь. СПб., 1999. С. 208.

окружающей среды. Благодаря внутренней перцептивно-мысленной репрезентации актов самораспознавания именно невербальное «Я» (предполагающее единый комплекс «Я-образов») оказывается тождественным осознанию себя, перцептивному самосознанию. По-видимому, эволюция символьного сознания сопровождалась развитием «вторичного» вербального кодирования смыслов некоторых перцептивных «Я-образов» (т.е. лишь отдельных элементов перцептивного самосознания), которые оказались востребованными для нужд межличностной речевой коммуникации, развития знаково-символического мышления и символической культуры. В результате генерации «Я-понятий» возникает *вербализованное, рефлексивное самосознание*. От лица «Я-понятий» символическое (вербальное) сознание получает возможность управлять знаково-символическим мышлением и другими высшими когнитивными способностями людей, исследовать и оптимизировать человеческое мышление, изучать человека и его сознание.

В силу межполушарной кооперации, взаимосвязи и взаимодополнительности когнитивных структур перцептивного и символического (вербального) сознания человеческое сознание *едино* (за исключением, разумеется, случаев патологии). Нет и, видимо, не может быть двух каких-то автономных «сознаний»: одного – для пространственно-образного мышления и пространственных функций, а другого – для мышления знаково-символического (логико-вербального) и вербального знания. Конечно, в ходе когнитивной эволюции отдельных человеческих популяций символическое (вербальное) сознание становится доминирующим, и это, естественно, вносит существенные коррективы в механизмы его кооперации с перцептивным сознанием.

Есть весьма убедительные экспериментальные основания полагать, что в случае доминантного левого полушария наше правое полушарие имеет крайне ограниченный прямой доступ к сознательному опыту. Наше символическое (вербальное) сознание функционирует в качестве медиатора и интерпретатора когнитивной информации, поступающей из правого полушария, оно стремится адаптировать эту информацию к своим вербализованным концептуальным системам оценок, а иногда даже ее блокировать и подавлять¹⁰. Но, повторим, это не отменяет единства нашего самосознания, единства нашего «Я». Наблюдения нейрохирургов за пациентами свидетельствуют, в частности, о том, что в состоянии бодрствования осознание вербальных актов требует их наполнения конкретным перцептивным содержанием, которое обеспечивается сознательно направляемым отбором образов из репертуара эпизодической памяти. По-видимому, вербальная активность нашего левого полушария направляется интенциональностью правого полушария, а осознаваемая активность образного мыш-

¹⁰ См., например: Gazzaniga M.S., LeDoux J.E. The integrated mind. N. Y., 1978; Gazzaniga M.S. Mind matter. How mind and brain interact to create our conscious lives. Boston, 1988.

ления – интенциональностью левого полушария. Человеческое перцептивное сознание (вместе с правополушарными мыслительными процессами), скорее всего, играет исключительно важную роль в актах понимания, в выявлении смысловых связей элементов, частей и целого, являясь как бы «посредником» в этих вопросах между пространственно-образным мышлением, с одной стороны, и знаково-символическим (логико-вербальным) мышлением и символьным (вербальным) сознанием – с другой.

Как это не кажется парадоксальным на первый взгляд, но в силу своей информационной природы *сознание как когнитивная способность гоминид возникает и существует вне и независимо от нашего сознательного контроля* – от нашей воли, желаний, сознательных действий и т.д. Конечно, *сознание как когнитивную способность* следует дифференцировать от совместного, коллективного, *социального сознания*. К социальному (коллективному) сознанию было бы правильнее относить не только общие знания (научные, практические, обыденные и т.п.), но и необходимые для выживания другие виды общей для тех или иных этнических групп и популяций *культурной информации* (приобретаемой и запоминаемой с участием сознания как когнитивной способности), в том числе верования, мифы, мифологизированные идеологии и т.д. В информационном поле сознания отдельных людей может оказаться и их индивидуальная культурная информация (включая и *неявные знания*), которая далеко не полностью осознаётся. Таковы, например, процедурные знания и искусства, составляющие секрет индивидуального мастерства.

Разумеется, окружающий мир *существует вне и независимо* от способности нашей когнитивной системы сознательно управлять высшими когнитивными функциями от лица вербализованных, рефлексивных «Я-понятий». Но этот мир в значительной мере создан благодаря нашим сознательным усилиям. Состояние нашей окружающей среды также зависит от информационного содержания сознания, от наших знаний и иных видов культурной информации, приобретаемой с участием человеческого «Я», так как адаптивно ценная информация может быть использована людьми для ее изменения (хотя, к сожалению, далеко не всегда в лучшую сторону). Мы можем менять эту среду только в определенных границах, если не хотим подвергнуть угрозе свою адаптированность к окружающему нас миру.

Развитие нашего «Я» информационно репрезентируется на уровне нашей когнитивной системы в многочисленных «Я-образах», а затем и «Я-понятиях». В первые месяцы своей жизни ребенок еще не воспринимает себя как нечто отличное от своего окружения. Только между 16 и 30 месяцами он постепенно начинает осознавать своё тело и его границы, так же как и тела других людей. Он обнаруживает, что окружающие его предметы – мебель, игрушки, а также родители и другие члены его семьи – есть нечто отличное от него самого. Именно в это время он, устроившись перед зеркалом, начинает изучать своё тело и задавать себе вопрос о реальности и нереальности своего собственного существования. Приблизительно к двум годам он уже знает о существовании своего «Я». Если раньше он называл себя только по

имени, как это делали члены его семьи, то теперь он говорит: «Я». Он уже знает, что его «Я» способно взять, видеть, слышать, осязать, говорить, иметь и даже дать. Это самосознание ребенка еще нерелексивно, но именно оно лежит в основе его формирующихся «Я-образов». Формирование «Я-образа» начинается с осознания того, чем мы оказываемся для других, этот образ зависит как от наших собственных представлений о других людях, так и от представлений этих людей о нас самих. Таким образом, наш детский «Я-образ», наш образ самого себя, а также наш уровень притязаний (т.е. «избалованности») оказываются результатом не только личного опыта, но и *опыта общения со своим окружением в рамках той или иной конкретной культуры*.

Маленький ребенок, еще совсем слабый и беззащитный, целиком зависящий от родительской власти и опеки, осознает (конечно, на своем уровне) самого себя и свою роль в семье, и это осознание откладывает глубокий отпечаток на его представление о себе на протяжении всей жизни. В дальнейшем в его сознании сформируются другие многочисленные и меняющиеся «Я-образы» и «Я-понятия», связанные с теми ролями, которые ему будет суждено сыграть в школе, университете, армии, на работе, во взаимоотношениях с друзьями, начальниками и другими людьми. Но нечеткое, неартикулированное перцептивное представление о своем положении и своей роли в детстве, его детский «Я-образ» останется для него неосознанным ориентиром в поисках «истинного» образа того, чем он является на самом деле.

Наше символическое (вербальное) сознание через свои артикулированные и рефлективные «Я-понятия» непосредственно или опосредованно управляет актами распознавания образов, мышления, памяти, творчества и т.д. Когда мы метафорически говорим о «сознании математика», «сознании инженера», «сознании шахматиста» и т.д., реально это означает лишь наличие у конкретных лиц специфических «Я-образов» и «Я-понятий», сопряженных с соответствующими базами данных и знаний, которые обеспечивают высокую эффективность их профессионального (математического, инженерного и т.д.) мышления.

Итак, эволюция самосознания и сознания (также как и других высших когнитивных функций) человеческих популяций является результатом их биологической (когнитивной) и культурной эволюции. Достигнутый подвидом *Homo sapiens* уровень эволюционного развития сознания и других высших способностей послужил когнитивной предпосылкой для формирования подлинно человеческой духовной культуры. Благодаря дальнейшей когнитивной эволюции отдельных человеческих популяций и развитию их культуры (науки, техники, технологии, средств коммуникации и т.д.) сообщества людей обрели способность изменять свой окружающий мир и тем самым создавать *новые социальные факторы естественного отбора* и своей собственной биологической эволюции. Прогрессивные сдвиги в когнитивной эволюции, новый уровень когнитивного развития людей, их самосознания и сознания, в свою очередь, выступают в качестве необходимых предпосылок дальнейшей культурной и социальной эволюции человеческих популяций.